

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК: [398+304.2+930.2](470.11)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.144

Устные рассказы о мезенских храмах как предмет междисциплинарного исследования *

© **ДРАННИКОВА Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, доцент, профессор

E-mail: n.drannikova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье предпринят анализ устных нарративов о разрушении православных культовых сооружений. Источниковую базу исследования составили тесты, записи которых были сделаны за время фольклорно-антропологических экспедиций Северного (Арктического) федерального университета в Мезенский район Архангельской области (2009–2018). К началу 1930-х гг. в России оформилась и получила одобрение концепция «воинствующего атеизма», основанная на идее о контрреволюционной сущности религии и антисоветской деятельности верующих. Объект нашего исследования носит междисциплинарный характер. Он является предметом изучения устной истории, фольклористики, социальной и культурной антропологии, социологии. Нарративы о святотатстве рассматриваются нами не столько как фольклорный или исторический источник, сколько как «составляющая локального текста ..., функция которого не «отражать», а «создавать» городскую историю, мифологию, задавать параметры местной идентичности». Воспоминания мезенцев о периоде разрушения храмов и гонения на верующих за их религиозные убеждения образуют метанарратив. Он включает в себя рассказы, имеющие мотивы: сбрасывание колоколов, наказание за разрушение церкви; осквернение кладбищ, уничтожение икон, спасение церковного имущества жителями деревни, переоборудование церквей в школы, зернохранилища, клубы, конюшни, репрессии в отношении священников и прихожан. Предпринятое исследование позволяет проследить динамику массовых представлений. В культурной памяти мезенцев произошёл разрыв. Мезенские религиозные рассказы свидетельствуют о том, что в культурной памяти мезенцев они оказались вытеснены на периферию и заменены ценностями советского периода.

Ключевые слова: религиозные рассказы, разрушение, храмы, наказание, святотатство, междисциплинарное исследование, культурная память.

Oral stories about the Mezen churches as a subject of interdisciplinary research

© **Natalia V. DRANNIKOVA**, Dr. Sci. (Philol.), associated professor, professor

E-mail: n.drannikova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article analyzes oral narratives about the destruction of Orthodox religious buildings. Sources of the research are tests recorded during the folklore-anthropological expeditions of the Northern (Arctic) Federal University in the Mezen district of the Arkhangelsk Oblast (2009–2018). By the beginning of the 1930s, in Russia, the concept of “militant atheism” took shape and was approved, based on the idea of the

* Для цитирования:

Дранникова Н.В. Устные рассказы о мезенских храмах как предмет междисциплинарного исследования // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 144–159. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.144

For citation:

Drannikova N.V. Oral stories about the Mezen churches as a subject of interdisciplinary research. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 39, pp. 144–159. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.144

counter-revolutionary meaning of religion and the anti-Soviet activities of believers. The object of our research is interdisciplinary. It is the subject of the study for oral history, folklore, social and cultural anthropology, and sociology. The sacrilege narratives are considered not so much as folklore or historical source, but as “a component of a local text ... whose function is not to “reflect”, but to “create” urban history, mythology, set the parameters for local identity.” A metanarrative is represented by the memories of the Mezen residents about the destruction of churches and the persecution of people for religious beliefs. It includes stories with the motives of dropping bells, punishment for the destruction of a church; desecration of cemeteries, the destruction of icons, the salvation of church property by the villagers, the conversion of churches to schools, granaries, clubs or stables, and repression against priests and parishioners. The research allows tracing the dynamics of mass representations. There was a gap in the cultural memory of the Mezen residents. The Mezen religious stories testify that, in the cultural memory of the Mezen, they were supplanted to the periphery and replaced by the Soviet period values.

Keywords: *religious stories, destruction, churches, punishment, sacrilege, interdisciplinary research, cultural memory.*

История храма включает в себя этапы его строительства, жизни прихода, разрушения, потаённого существования и восстановления. Цель нашего исследования — анализ устных нарративов о разрушении мезенских храмов и представлений местного сообщества, связанных с этими событиями. Для сбора материала мы разработали вопросник, включающий в себя вопросы о различных периодах существования храма и религиозной жизни села, провели сплошное обследование, когда респондентов было трудно найти, использовали метод «снежного кома». В работе учитывались границы Мезенского района Архангельской области в различные исторические периоды. Мезенский район — самый северный и большой по площади район Архангельской области. Он расположен на Зимнем берегу Белого моря¹. Мы выбрали его в качестве ареала исследования по нескольким причинам. Во-первых, он представляет для антрополога интерес в силу своей отдалённости и труднодоступности. Во-вторых, в XIX — начале XX вв. он демонстрировал высокую степень устойчивости и богатства фольклорной традиции. В-третьих, исторически население района занималось морскими зверобойными и рыбными промыслами, в которых важная роль отводилась церкви (благословение перед промыслами, молебны об удаче на промысле, пожертвования после возвращения с промыслов на *Божий пай*, покупка для церкви икон на средства, полученные от добычи морского зверя, обязательная установка обетных крестов после возвращения с моря и др.).

Прикладными методами нашего исследования являются наблюдение, интервьюирование, беседа, запись устных высказываний, анализ документов, фото- и видеофиксация и др. Во время сбора материала были проведены глубинные интервью с жителями различных населённых пунктов Мезенского района. Они были главными источниками собираемых сведений. За время исследования было опрошено 60 человек в возрасте от 40 до 90 лет. Всех респондентов можно подразделить на группы по основаниям, связанным с местом их проживания и возраста. Можно условно разделить респондентов на три группы в зависимости

¹ Зимний берег — побережье Белого моря на восточном берегу Двинской губы и Горла Белого моря (от устья реки Северной Двины до мыса Воронов).

от их возраста. Первую группу составляют респонденты, родившиеся в 1930-е гг., вторую — в 1940-е-1980-е, третью — 1990-е — 2000-е гг.

Источники нашего исследования — полевой и архивный материал (фольклорно-речевые данные, архивные документы ², публикации в научной и краеведческой литературе, периодической печати, на Интернет-сайтах).

Устные рассказы о разорении святынь и культовых сооружений связаны с конкретными историческими событиями и локусами. После событий октября 1917 г. произошла кардинальная переоценка места религии в жизни общества. В 1918 г. вышел декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом народных комиссаров ³. В 1929 г. появляется циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» ⁴. В результате, к началу 1930-х гг. в России оформилась и получила одобрение концепция «воинствующего атеизма», основанная на идее о контрреволюционной сущности религии и антисоветской деятельности верующих.

Объект нашего исследования носит междисциплинарный характер. Изучением истории каждого храма (возведением, потаённой жизнью прихода, жизненными путями тех, кто посвятил себя храмостроительству, его разрушением, репрессиям служителей храма и причта) занимается локальная история. Локальная история — это практика историописания, имеющая целью конструирование местной исторической памяти. Такой ракурс у историков называется «микроисторическим». Изучению устных рассказов о наказании святотатцев посвящены работы фольклористов В.Е. Добровольской, Ю.М. Шеваренковой, С.Н. Штыркова, Л.В. Фадеевой, А.Б. Мороза, И.В. Власовой, А. А. Панченко, Н.В. Дранниковой и др. [1, Добровольская В.Е.; 2, Добровольская В.Е.; 3, Нижегородские христианские легенды; 4, Штырков С.Н.; 5, Штырков С.Н.; 6, Фадеева Л.В.; 7, Фадеева Л.В.; 8, Шеваренкова Ю.М.; 9, Мороз А.Б.; 10, Мороз А.Б.; 11, Власова И.В.; 12, Панченко А.А., 13, Дранникова Н.В.; 14, Дранникова Н.В.]

В современных гуманитарных науках активно используются антропологические и социологические методы исследования. Фольклористика сближается с антропологией, исторической и социальной (культурной), для которой важны люди в истории и культуре. Социальная антропология предполагает посмотреть на свою культуру глазами «других», а на другие — их собственными. Она нацелена на понимание «иного» человека в гендерном, социальном, культурном, этническом, национальном, сословном, региональном разнообразии. Поскольку в задачи исследования входило выяснение знаний и представлений разных групп населения об истории храмов, то основным стал метод устной истории. А. Портелли писал,

² Архивными источниками нашего исследования послужили фольклорные материалы и документы, хранящиеся в архиве Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Северного (Арктического) федерального университета (фонд 38), архиве Архангельского краеведческого музея, Государственном архиве Архангельской области, архиве Регионального Управления Федеральной Службы Безопасности РФ по Архангельской области, Мезенском муниципальном архиве.

³ Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286–287.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9–11.

что основной особенностью устных источников является то, что они «доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий». [15, Портелли А., с. 39]. Устная история свидетельствует о представлениях людей об исторических фактах и обстоятельствах, оценке с позиций настоящего. Собираение и изучение устных источников позволило прояснить отношение к разрушению храмов местных жителей, выявить уровень и содержание их знаний о истории местных церквей. Знания респондентов и их представления варьируются. Воспоминания мезенских старожилов не стали предметом отдельного научного рассмотрения, однако мы можем выделить ряд исследовательских направлений со схожей проблематикой.

В процессе исследования нельзя не обратиться к опыту историко-антропологических изысканий представителей французской школы «Анналов» и её последователей [16, Блок М.; 17, Гинзбург К.].

Изучением советской повседневности занимались И.В. Нарский, Н.Н. Козлова и др. [18, Нарский И.В.; 19, Козлова Н.Н.]. Уход «в малую историю» позволяет перейти от обобщающих официальных схем к мелким деталям и специфике коллективной памяти.

Изучению советского массового сознания (проблеме «общественных настроений») посвятили свои работы А.Я. Лившин, Л. Виола, Ш. Фицпатрик и др. [20, Лившин А.Я.; 21, Viola L.; 22, Viola L.; 23, Fitzpatrick Sh.].

Изучением советской мифологии как следствия идеологии занимались А.А. Панченко, Н. Тумаркин, и др. [24, Панченко А.А.; 25, Тумаркин Н.].

В статье нами используется термины «устный рассказ», религиозный рассказ, устный нарратив и легенда о Божьей каре, рассказ о святотатстве [14, Дранникова Н.В.; 26, Theoretical Milestones].

Религиозные рассказы являются частью местной исторической памяти, знание которой, в свою очередь, свидетельствует о развитой или неразвитой локальной идентичности сообществ. Материал, имеющийся в нашем распоряжении, неоднороден. Он представляет собой как «краткие свидетельства», так и структурно организованные повествования. Нарративы о святотатстве рассматриваются нами не столько как фольклорный источник, сколько как «составляющая локального текста ..., функция которого не «отражать», а «создавать» городскую историю, мифологию, задавать параметры местной идентичности» [27, Ахметова М.В., Лурье М.Л., с. 146–147].

Циклы рассказов о разрушении церквей и гибели церковного имущества, объединены темой святотатства, греха и наказания за него. Ярко выраженная дидактическая направленность этих рассказов выражена в упреке, адресованном не времени или эпохе, а самому человеку. Ведущий мотив этих рассказов — наказания, или Божьей кары. Разрушение церкви осознается рассказчиком как страшный грех. Он не только воспроизводит ситуацию того времени, но и сопрягает её с последующими временами и будущим поколений [8, Шеваренкова Ю.М., с. 67–69].

Закрытию храмов предшествовала кабальная налоговая политика в отношении к церкви. Храмы облагали большими налогами, в частности, земельной рентой. Борьба с церковью стала частью политики большевиков. Сразу же после 1917 г. начались аресты и казни священников, церкви и монастыри были разгромлены и разграблены, иконы сжигались. В XX веке историю религии характеризуют категории «выживание» и «сопротивление», вызванные чрезвычайной жестокостью и репрессивностью всего советского модернистского проекта. «Форсированная» секуляризация подорвала традиционные устои религии. Храмы в Мезени начали закрывать в 1929 г. Последние крещения и венчания, по воспоминаниям старожилов, прошли в 1930 г. Одним из первых в 1931 г. был закрыт Свято-Богоявленский собор, находящийся в районном центре г. Мезени. Его последним настоятелем был отец Александр Петровский. Закрытие храма встретило большое сопротивление местных жителей⁵. В деле написано: «Группа кулаков во главе со священником ведут систематическую агитацию». В 1935 г. были закрыты церкви в д. Кимже и Дорогорском, в 1933 г. — в с. Долгощелье и др.⁶

Для сбора материала мы использовали вопросник с открытыми вопросами. Речевое поведение иницирует наличие или отсутствие религиозного сознания у рассказчика. Ответы мезенцев демонстрируют разрыв традиции, возникший из-за того, что вера в советский период истории приобрела потаённый характер. Часть наших респондентов отрицала существование института церкви в дореволюционной Мезени и её роль в ней. Они говорили о том, что жители Мезенского района не ходили в храмы, что они были *неверующими и просвещёнными* людьми, демонстрируя тем самым ценности советского периода истории.

«У нас народ был просвещённый»;

«В наш период ничего не говорили. У нас там была советская действительность, в этом и жили. Вступали в пионеры, в комсомол, потом ехали работать в партию. Мы так и считали, что это нужно делать».

(Зап. от А.К. Митькиной, 1951 г. р., с. Жердь, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Т.Н. Морозова, А.С. Мысова. 2018 г.) [ФА САФУ. П. 641]

В своём ответе исполнительница воспроизводит последовательность советского жизненного цикла, используя для этого особенности советского дискурса (*советская действительность; считали, что так нужно делать*).

Религиозные нарративы представляют собой микроистории. Респонденты в возрасте от 40 до 70 лет, рассказывая о разрушении храмов, чаще говорят об этом безоценочно и лишь констатируют совершившийся факт. Из их рассказов исчезла дидактическая направленность, являющаяся отличительной особенностью рассказов старшего поколения, бывшего свидетелем разрушения храмов.

<Была ли у вас деревне церковь?>

Да, была.

⁵ Архив РУ ФСБ по Архангельской области. П–15303, 13258.

⁶ Архив РУ ФСБ по Архангельской области. П–5314, П–6206, П–1048.

<Как она называлась?>

Не знаю. При нас это уже был клуб. Но мне рассказывали, как с церкви колокола сбрасывали.

<А кто-то протестовал против закрытия церкви?>

Я не знаю — не моё время было.

(Зап. от А.К. Митькиной, 1951 г. р., с. Жердь, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Т.Н. Морозова, А.С. Мысова. 2018 г.) [ФА САФУ. П. 641]

Часто наши респонденты во время беседы транслировали лишь отрывочные сведения о разрушении / осквернении храма. Среди них преобладали женщины. Все они получили информацию от своих старших родственников или односельчан, бывших свидетелями этих событий (бабушек, тётъ). Респонденты говорили о том, что раньше они не понимали трагизм произошедшего. Разрушенные или превращённые в клубы храмы и осквернённые кладбища в течение их жизни были для них нормой. Переоценка этих событий для некоторых из них произошла в постперестроечный период страны, когда были открыты архивы и появилось много публикаций о «белых пятнах» отечественной истории.

Форсированная секуляризация подорвала традиционные устои религии. На место церкви в советский период пришли школы. В храмах были открыты избы-читальни и клубы, сделаны склады и зернохранилища. Большая часть старшего поколения, несмотря на секуляризацию, осталось верующим. Верующие жители села считали, что в святых местах дьявол стремится больше напакостить человеку, чем в любом другом месте, и старается всеми силами «ввести человека в искушение». По их мнению, в святом месте человек должен быть строг к себе, иначе его не спасёт заступничество святых [28, Тарабукина А.В.]. Для верующих людей деятельность коммунистов стала соотноситься с деятельностью Антихриста, а переоборудованные новой властью здания церкви стали «нечистыми». Место, бывшее святым для старшего поколения, превращается после его осквернения в место обитания Антихриста — «святое» место для молодёжи.

<У вас здесь раньше церковь старообрядческая стояла?>

Да. Потом клуб был. «Святое» место для молодёжи.

(Зап. от Ю.П. Малыгиной, А.Д. Малыгина. с. Койда, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Н.М. Асеева, Н.Н. Янковская. 2010 г.) [ФА САФУ. П. 605]

Респонденты, воспоминания которых относятся к 1940-м – 1950-м гг., смогли вспомнить формулы запретов и поверий о церквях, бытовавших в их сёлах после их закрытия, например: в с. Долгощелье школьникам говорили, что нельзя посещать клуб, построенный на месте церкви, т.к. он провалится под землю; что в храмах г. Мезени и д. Погорельца по ночам поднимается вода; что мезенские комсомольцы, превратив Свято-Богоявленский храм в клуб, «переплясали на костях», представители старшего поколения отказывались ходить в клубы и кинотеатры, бывшие раньше церквями, и др. В народной культуре существовал запрет строить новое здание на месте храмов и кладбищ. В советский период все эти за-

преты были нарушены, поэтому, по утверждению местных жителей, строители не могли установить карусель на территории бывшего некрополя (г. Мезень), а мастер, руководивший постройкой клуба на месте сгоревшей церкви, упал в котлован и погиб. (Т.В. Едуш, 1969).

Сведения, полученные нами, носят отрывочный характер. Можно выделить населённые пункты, где традиция религиозного рассказа сохранилась лучше, чем в других населённых пунктах Мезени, например, в д. Койде и Кимже. Это можно объяснить тем, что Койда — была центром зверобойных и рыболовных морских промыслов. Её жители были организаторами устинского промысла, связанного с выловом тюленя⁷. Уровень жизни этой деревни был выше, чем у деревень, расположенных в аграрной части Мезени. Количество жителей Койды, репрессированных за веру, было гораздо выше, чем в других мезенских деревнях [29, За веру Христову]. Кроме того, в Мезенском районе Койда является самой труднодоступной деревней, в ней существовали две конфессии — никонианцы и старообрядцы, имеющие отдельные церкви. В Кимже церковь была закрыта позже, чем в других в мезенских деревнях, и в ней, как и в Койде, были старообрядческая и никонианская церкви, долгие годы продолжало существовать скрытничество, являющееся самым фанатичным видом старообрядчества. Деревня была в какой-то степени изолирована от местных органов власти, т.к. находилась за рекой в отличие от других мезенских деревень.

Рассказы о разрушении церквей и преследовании верующих в фольклорно-речевой практике старшего поколения образуют метанарратив, но степень его разрушения настолько велика, что заставляет задуматься. Он включает в себя рассказы, имеющие мотивы: сбрасывание колоколов, наказание за разрушение церкви; осквернение кладбищ, уничтожение икон и использование их в колхозном хозяйстве или в качестве предметов домашнего обихода, спасение церковного имущества жителями деревни, переоборудование церквей в школы, зернохранилища, клубы, конюшни, репрессии в отношении священников и прихожан. Один из самых развёрнутых в сюжетном отношении рассказов о разрушении храма в с. Койда был записан нами от П.Е. Малыгиной в 2010 г.

<Героями себя чувствовали, икон, знаешь, сколько было, выкидывали, на дрова рубили, такие были подлецы. Не страшно было разрубить икону пополам. Следили, караулили, чего там говорят про старое-то время. Строгость была така. Столько икон ломали, столько было ценностей! Все разломали, купола снимали! Колокола такие большущие были, звозы⁸ такие большущие были, так мы на взозах сидели и смотрели, как эти колокола спускали сверху

Как не наказывало! Никто своей смертью не помер. Кто утонул... Господь не простой мужик — распорядится, не сегодня, так завтра, разыщет. Пошто разорили церкви, а теперь надо построить? Надо все в деревне достать. Где эти иконы взять? Ломали-то

⁷ Устинский (устьинский) промысел — промысел на участке моря между устьями рек Мезени и Кулоя.

⁸ (В)звоз — покатый настил, сделанный из брёвен, позволяющий подъехать на телеге, запряжённой лошастью, к второму этажу дома.

те же, сами ломали. Слово нельзя было против власти сказать. Мужик на Канине у нас был, вечером частушку так вот шутя: «При царе-то Николашке, не лежишь ты на кровашке. А теперь при социализме, ты должен спать, как и все». Так на завтра мигом катер пришел, забрали и с концом, никто и не слышал. Продали свои же, тут посторонних не было, свои шкуры продажные были. А теперь думаете, мало продажных? То же самое. Тебя ласкают, гладят, а отойдут, тут же к ногтю прижимают. Было и есть».

(Зап. от П.Е. Малыгиной, 1927 г. р., с. Койда, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Н.М. Асеева, Н.Н. Янковская. 2010 г.) [ФА САФУ. П. 605].

В памяти респондента сохранились подробности разорения церкви, что демонстрирует её эмоционально-трагическое восприятие события, свидетелем которого она была. Она негативно оценивает произошедшее. Поведение местных святотатцев нарушало традиционные поведенческие нормы и запреты. Рассказывая о разрушении церкви, исполнительница использует инвективу (*такие подлецы были*). Рассказ П.Е. Малыгиной включает в себя несколько мотивов: в том числе, мотив доносительства, который реализуется с помощью градации: *«Следили, караулили, чего там говорят про старое-то время...»*. Текст имеет жанровые черты легенды о Божьей каре, которая завершается афоризмом: *«Господь — не простой мужик — распорядится: не сегодня — так завтра разыщет»*. Исполнительница использует повторы *«(колокола) такие большущие, «никто своей смертью не помер»*, которые усиливают эмоционально-трагическое восприятие ею разорения церкви. Уважение к вере и её религиозность проявляются в использовании аугментативов: *колокола большущие, звонки такие большущие*. Беседа с нами является для неё продолжением её внутреннего монолога. Она использует риторические вопросы и восклицания: *«Пошто разорили церковь, а теперь надо построить? Где эти иконы взять?»* Её возмущение святотатством усиливают повторы: *«Ломали-то те же, сами ломали»*.

Отвечая на наш вопрос о том, были ли в их доме иконы, респонденты вспоминают, что катались на них с гор, что использовали их в качестве столешниц и крышек для бочек (*Такие хорошие были дощечки!*), мостили ими грязь, многие рассказывают о том, как родители и бабушки пытались спасти церковное имущество и прятали его по домам, что во многих домах сохранились части от иконостаса и рамки от икон, которые использовались для фотографий, о том, что колокола были увезены на переплавку (*Колокола, иконы были, всё выбрасывали. Я помню: мать бегала, всё домой таскала*). Рассказы о спасении церковного имущества старшими родственниками и его дальнейшем использовании детьми и внуками демонстрируют различное соотношение советской и традиционной символических систем в сознании исполнителей.

Рассказы о разрушении храмов изобилуют пейоративными глаголами: выбрасывали, разоряли, жгли, ломали, рубили, таскали и др.

А колоколы были какие! ...Потом решили колоколы снять. Забросили их прямо наземь!

<А в каком году это было, до войны?>

А давно это, давно нет.

<А вы видели, как это происходило?>

Ну, дак мы маленькие, свидетели были, дак помним. Я тут недалеко жила ведь, свой дом был дак.

(Зап. от А.Е. Паюсовой, 1925 г. р., д. Кимжа, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. С.Б. Адоньева, И.С. Веселова, Ю.Ю. Мариничева. 2007 г.)

Для респондентов-очевидцев закрытия храмов воспоминания носят эсхатологический характер, а жители деревни, принимавшие участие в этих событиях, наделяются в их рассказах чертами персонажей «иноного мира». Их называют *голодаями, пьяницами, антихристами, злодеями (в деревне таки были свои злодеи), вредителями*. Особенно преуспели в святотатстве комсомольцы.

Большая часть местных жителей не помнит названия церкви в своём селе, но при этом в некоторых деревнях сохранились воспоминания о съезжих престольных праздниках, хотя их календарная приуроченность чаще всего не связывается с названием церкви (*<А церковь у вас была в деревне?> Да, была. <В честь кого она названа?> Не знаю.* (Н.И. Сюмкин, 1961)

Мы обратили внимание на то, что среди представителей среднего поколения мезенцев (40–70) есть метатексты о религии, но религиозное сознание у них чаще всего отсутствует. Воспоминания о церкви не входят в состав культурной памяти мезенцев, за исключением жителей д. Койды и Кимжи, но работа мезенских краеведов в конце XX — начале XXI вв. привела к тому, что часть образованного местного населения в последнее время стала интересоваться историей своих церквей и гордиться их архитектурным видом.

Вот этот клуб — это же бывшая церковь. Она же была построена в начале тысяча девятсот... там да, второй, наверное, год-то. И до этого была старенькая, где водокачка у нас. У нас есть фотографии. В клубе есть ещё рисунок, один мужчина нарисовал карандашом. Люди говорили, что церковь была красивая. Сейчас их уже и нет в живых. Говорили, что шапку не могли до потолка добросить, то есть она высокая была, было два этажа больших. Убранство было хорошее, красивое, но вот получилось так, что всё стали закрывать.

(Зап. от А.А. Чикиной, 1956 г. р., с. Жердь, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Т.Н. Морозова, А.С. Мысова. 2018 г.) [ФА САФУ. П. 641]

Красота разрушенной церкви противопоставляется респондентом её современному обветшавшему состоянию. Она передаётся с помощью гипербол (*шапку не могли до потолка добросить*) и градации (*убранство хорошее, красивое*).

В нарративах много «формул достоверности»: *я помню: мать бегала, старые старухи говорили, люди говорили, я слыхала и др.* Достоверность происходящего усиливают и различные повторы, и даты.

Немногие из наших респондентов смогли сделать переоценку своих прежних взглядов в отношении религии. Среди них преобладают жители д. Койды, о которой мы писали выше. Там нам пришлось услышать утверждение, что *«сейчас тех, кто оставили всё старинно, надо награждать орденами и медалями... Раньше жили под страхом смерти, а они все сохранили...»*. (Зап. от А.И. Малыгиной, А.И. Малыгина, с. Койда, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Н.М. Асеева, Н.Н. Янковская. 2010 г.) [ФА САФУ. П. 605].

Защиту религиозных убеждений и сохранение церковных предметов в условиях тоталитарного государства исполнительница считает подвигом.

Несмотря на безоценочность большинства из рассказов, находящихся в нашем архиве, некоторые из них содержат мотив Божьей кары, которая, по мнению исполнителей, со временем настигает не только человека, совершившего святотатства, но и его потомков.

<А что значит «отворотит Господь»?>

Отворотит, дак вот, если ты наговоришь, скажем, на меня неправду, нельзя это делать, нельзя это делать. По правде, надо идти, по правде, по правде.

<А если наговоришь неправду, то Господь всё равно потом накажет?>

Всё равно.

<Не тебя, так твоих детей накажет?>

Господь говорит ведь: «Я не Афонька — распоряжусь тихонько. Тихонько вот распоряжусь, не вдруг, не сразу. Вот так вот. Если правда Господь есть, дак мы не знаем, если он, нету ли».

(Зап. от А.Е. Паюсовой, 1925 г. р., д. Кимжа, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. С.Б. Адоньева, И.С. Веселова, Ю.Ю. Мариничева. 2007 г.)

Исполнительница использует пословицу *«Господь — не Афонька — распорядится потихоньку»*, которая придаёт её речи убедительность. Люди, занимавшиеся разорением храмов, по её убеждению, занимались несправедливыми делами и нарушали Божьи заповеди. В её речи много повторов. Она дважды произносит: *«Нельзя это делать, нельзя это делать»*, *распоряжусь, распоряжусь, по правде надо идти, по правде*. Святотатцы и доносчики, считает она, нарушают девятую заповедь христианства «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». Чувствуется, что в беседе она продолжает внутренний монолог, начатый ею задолго до встречи.

Разрушение культовых сооружений продолжалось в Мезенском районе в течение всего существования советского периода государства. На излёте советской власти в начале 1980-х гг. председатель одного из местных сельсоветов решила снести часовню, занимавшую, по её мнению, «лишнее» место в деревне. В сносе часовни участвовали два молодых колхозника. Один из них вскоре после этого умер, второго — парализовало. Местные жители объясняют произошедшее наказанием, последовавшим за непочитание святыни, хотя в советское время часовня использовалась как клуб. Сюжет включает в себя мотив покаяния — мать одного из святотатцев установила на свои средства на месте разрушенной часовни

памятный крест. Таким образом, приведённый текст свидетельствует о том, что сюжет о наказании святотатцев сохранил свою функциональность до наших дней.

Кара за святотатство эквивалента совершённом преступлению, считают наши исполнители, например: человек, снимавший купола с храма, упал в грязь лицом и разбился насмерть, мужчина, срубивший на дрова обетный крест, возвращается с фронта без руки и вскоре умирает, бригадир, руководивший строительством нового дома культуры на месте сгоревшей церкви, падает во время закладки фундамента в котлован и гибнет, у деревенского активиста, снимавшего кресты с куполов, после смерти загорается гроб, после разорения церкви в деревне начинается пожар, все заведующие сельским клубом (бывшей церковью) рано умерли. В качестве примера приведём следующий текст.

Сбросив вместе с верой колокола и разрушив наверхие храма, азаполы-безбожники приспособили оставшуюся конструкцию под новый социалистический Дом культуры. Как знать, быть может в наказание за содеянное «в жаркий летний день 27 июля 1931 года, когда большинство азаполов было на дальних сенокосах, в деревне произошёл пожар. Тушить его было практически некому...». Половина деревни — а это 58 жилых домов — осталась без крова.

(Зап. от И.В.Борисовой, 1972 г. р., д. Азаполье, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова. 2019 г.)

Если за святотатство человек бывает наказан, считают мезенцы, то за восстановление и спасение святыни он получает вознаграждение. В нашем распоряжении есть рассказ, записанный в д. Березник, о том, что мужчина, у которого болели ноги, решил восстановить крест, спиленный на дрова его односельчанином, и после этого он не только выздоровел, но и прожил ещё до 90 лет (О.Ю. Власова, 1973).

До закрытия храмов вокруг каждого из них были некрополи, на которых хоронили почётных жителей села и священнослужителей. После поругания кладбищ могилы были разорены и черепа стали использоваться в качестве наглядных пособий на уроках в школе. Рассказывая о том, как одноклассники играли черепами, найденными около церкви, одна из наших исполнительниц смеётся (Ж, 59). Респонденты, ссылаясь на старожиллов, говорят о том, что колокола в их деревнях снимали комсомольцы во время субботников 22 апреля (в день рождения В.И. Ленина) и на Пасху.

В Мезенском районе были закрыты все церкви, вера в советский период стала потаённой и приобрела неисповедный характер. Респонденты вспоминают о том, что в школе им запрещали верить в Бога (в частности, проверяли, носят ли школьники нательные кресты и др.). Удар по институтам традиционной религии был так велик, что религия была вытеснена в неконтролируемое пространство. В мезенских деревнях сохранились смешанные формы религии, существующие в виде поверий и на уровне бытового поведения. Например, широкое распространение имеет поверье о том, что из дома нельзя отдавать родовые иконы и что человек, нарушивший этот запрет, бывает наказан.

Проведя исследование архангельского религиозного рассказа, мы сделали вывод о том, что идеология советского времени привела к тому, что люди потеряли уважение к культуре своих предков, оказался разрушен и сам культ предков, лежавший в основе народной культуры, о чём свидетельствует осквернение прихрамовых могил, некрополей и последующая утрата памяти об этих событиях. Ответы наших респондентов демонстрируют, что рассказы о разрушении храмов утратили свою актуальность, что разрыв культурной традиции был обеспечен десятилетиями антирелигиозной деятельности, умалчиванием информации старшим поколением мезенцев и недостаточной просветительской деятельностью культурных и образовательных организаций и лиц.

Мы сделали вывод о том, что в населённых пунктах, где были средние школы, степень разрушения культурно-исторической традиции оказалась намного сильнее, чем в деревнях, где были начальные школы или их не было совсем.

Различные поколения исполнителей демонстрируют различные ценностные ориентиры. Поколением, являвшимся свидетелем разрушения храмов, осквернение церкви осознаётся как грех. Рассказчики не только воспроизводят ситуацию того времени, но и сопрягают её с последующими временами и будущим поколений. Рассказы о святотатстве более молодых поколений (прежде всего, родившиеся после 1940-го г.) потеряли эту оценочность, они воспроизводят ценности, связанные с советским периодом жизни, отрицавшим религию и относящим её к области суеверий и предрассудков.

Предпринятое исследование позволяет проследить динамику массовых представлений. Религию нельзя отрывать от всего социального и культурного опыта людей. Религиозные нарративы являются частью культурной памяти местного сообщества, но их анализ свидетельствует о том, что они оказались вытеснены на её периферию и заменены ценностями советского периода, в то же время появление новых культовых объектов актуализировало потребность части местных жителей в получении информации об истории храмов. Исследование позволило сделать вывод о том, что местные музеи, учителя, учебники, культурные и образовательные учреждения не оказывают большого влияния на знания жителей Мезенского района о своей культуре.

Благодарности и финансирование

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Архангельской области в рамках научного проекта № 18-412-290002 р_а «Нарративы о разрушении православных церквей и культовых сооружений в современной фольклорной традиции Архангельской области».

Литература

1. Добровольская В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 2: Сб. матер. науч.-практ. конф. / сост. В.Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.
2. Добровольская В.Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 30 / Отв. ред. А.Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. С. 500–512.
3. Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренковой. Нижний Новгород: КиТиздат, 1998. 168 с.
4. Штырков С.А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. Вып. 1 / Отв. ред. А. К. Байбурин. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2001. С. 198–210.
5. Штырков С.А. Рассказы об осквернении святынь // Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология (по записям 1963–2002 гг.) / Сост. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. СПб.: Тропа Троянова, 2006. С. 208–230.
6. Фадеева Л.В. Рассказы о поругании святынь в исторической памяти севернорусской деревни (конец XX — начало XXI века) // Человек и событие в исторической памяти: Сб. ст. / Отв. ред. Ю.А. Крашенинникова. Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2017. С. 89–103.
7. Фадеева Л.В. Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья (к проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Матер. IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003» / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2003. С. 123–126.
8. Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород: Растр-НН, 2004. 157 с.
9. Мороз А.Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда // Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych. Lublin, 2014. С. 187–195.
10. Мороз А.Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Учёные записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 177–185.
11. Власова В.В. Изменение культурного ландшафта в советский и постсоветский периоды: сельские храмы и кладбища (на примере Республики Коми) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 74–85. DOI: 10.17223/15617793/432/9
12. Панченко А.А. Почему родился чёрт: сюжет о коммунисте-святотатце, новорождённые монстры и границы религиозной дидактики // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 2. С. 252–287. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-252-287
13. Дранникова Н.В. Культовые объекты Архангельска в современных городских легендах // Фольклор в культуре повседневности: сб. ст. / Науч. ред. Н.И. Жуланова, Л.В. Фадеева; отв. ред. Т.Н. Суханова. М.: ГИИ, 2019. С. 231–241.
14. Дранникова Н.В. Разрушение православных церквей и культовых сооружений в повествовательной традиции Архангельской области // Традиционная культура. 2020. № 2 (в печати)
15. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Авт. введения, сост. и переводчик М.В. Лоскутова. СПб.: изд-во ЕУСПб, 2003. С. 32–51.
16. Блок М. Апология истории или ремесло историка. Изд. 2, доп. М.: Наука, 1986. 178 с.
17. Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. С. 6–50.
18. Нарский И.В. Как коммунист черта расстрелять хотел: апокалипсические слухи на Урале в годы революции и гражданской войны // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории / Отв. ред. И.В. Нарский. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 231–255.
19. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 216 с.
20. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России в 1917–1932 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 344 с.

21. Viola L. Counternarratives of Soviet Life: Kulak Special Settlers in the First Person. In: Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K., eds. *Writing the Stalin Era*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. Pp. 87–99. DOI: 10.1057/9780230116429_6
22. Viola L. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford University Press, 2007. 278 p.
23. Fitzpatrick Sh. *Tear Off the Masks!* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. 352 p.
24. Панченко А.А. Культ Ленина и советский фольклор // *Одиссей. Человек в истории: Время и пространство праздника*. М., 2005. С. 334–366.
25. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Академический проект, 1997. 285 с.
26. *Theoretical Milestones: Selected writings of Lauri Honko*. Ed. By P. Hakamies, A. Honko. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2013. 338 p.
27. Лурье М.Л., Ахметова М.В. Rex ex machina в локальном нарративе. Рассказы о проезде Хрущева через Бологое // *Русский политический фольклор. Исследования и публикации* / Сост. А.А. Панченко. М.: Новое изд-во, 2013. С. 146–171.
28. Тарабукина А.В. Категории пространства и времени в мировосприятии современных «церковных людей» // *Русский фольклор*. Т. XXX: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. С. 186–198.
29. За веру Христову: Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951): Биографический справочник / Сост. С.В. Суворова. Архангельск: Православный изд. центр, 2006. 683 с.

References

1. Dobrovol'skaya V.E. Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvey [Non-fairytale prose about the demolition of churches]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*: sb. mater. nauch.-prakt. konf. [Slavic Traditional Culture and the Modern World: Proc. sci.-pract. conf.]. Moscow, SRCRF Publ., 1997, iss. 2, pp. 76–88.
2. Dobrovol'skaya V.E. Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvey [Non-fairytale Prose About the Demolition of Churches]. *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Researches]. Saint Petersburg, Nauka, 1999, vol. 30, pp. 500–512.
3. Shevarenkova Yu.M., ed. *Nizhegorodskie khristianskie legendy* [Nizhny Novgorod Christian Legends]. Nizhniy Novgorod, KiTizdat Publ., 1998, 168 p. (In Russ.)
4. Shtyrkov S.A. Nakazanie svyatotattsev: fol'klorny motiv i narrativnaya skhema [Punishment of Sacrilegers: Folklore Motif and Narrative Scheme]. *Trudy fakul'teta etnologii* [Proceedings of the Faculty of Ethnology]. Saint Petersburg, EUSP Publ., 2001, vol. 1, pp. 198–210.
5. Shtyrkov S.A. Rasskazy ob oskvernenii svyatyn' [Narratives About Sacrilege of Sacred Places]. *Traditsionnyy fol'klor Novgorodskoy oblasti. Poslovitsy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ya. Detskiy fol'klor. Eskhatologiya (po zapisyam 1963–2002 gg.)* [Traditional Folklore of Novgorod Region. Proverbs and Sayings. Riddles. Signs and Beliefs. Children's folklore. Eschatology (According to the Records of 1963–2002)]. Saint Petersburg, Tropa Troyanova Publ., 2006, iss. 3, pp. 208–230.
6. Fadeeva L.V. Rasskazy o poruganii svyatyn' v istoricheskoy pamyati severnorusskoy derevni (konets XX — nachalo XXI veka) [Narratives about the Sacrilege in the Historical Memory of the North Russian Village (The End of the 20th — the beginning of the 21st century)]. *Chelovek i sobytie v istoricheskoy pamyati: Sb. st.* [Man and an Event in the Historical Memory: Collection of academic papers]. Syktyvkar, ILLH Komi SC UB RAS Publ., 2017, pp. 89–103.
7. Fadeeva L.V. Rasskazy o razorenii svyatyni v sovremennoy ustnoy traditsii Pinezh'ya (K probleme spetsifiki syuzheta i zhanra) [Narratives About the Destruction of the Relics in the Modern Oral Tradition of Pinezhye (On the Problem of Plot and Genre Specificity)]. *Lokal'nye traditsii v narodnoy kul'ture Russkogo Severa*: mater. IV mezhdunar. nauch. konf. «Ryabininskie chteniya-2003» [Local Traditions in the Folk Culture of the Russian North: Proc. 4th Int. sci. conf. "Ryabininsky readings 2003"]. Petrozavodsk, KSC RAS Publ., 2003, pp. 123–126.
8. Shevarenkova Yu.M. *Issledovaniya v oblasti russkoy fol'klornoy legendy* [Research in the Field of Russian Folklore Legend]. Nizhniy Novgorod, Rastr-NN Publ., 2004, 157 p. (In Russ.)

9. Moroz A.B. Razrushenie tserkvey v sovetskiy period: dva vzglyada [Demolition of churches in the Soviet period: two views]. *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych* [History Spoken in the Light of Humanities and Social Sciences]. Lublin, 2014, pp. 187–195.
10. Moroz A.B. Ustnaya istoriya russkoy tserkvi v sovetskiy period (narodnye predaniya o razrushenii tserkvey) [Oral History of the Russian Church during the Soviet Period (Folktales about the Demolition of Churches)]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova* [Scholarly Notes of the Russian Orthodox University of the Apostle John the Theologian]. Moscow, 2000, iss. 6, pp. 177–185.
11. Vlasova V.V. Izmenenie kul'turnogo landshafta v sovetskiy i postsovetskiy periody: sel'skie khramy i kladbishcha (na primere Respubliki Komi) [Changes in the Cultural Landscape during the Soviet and the Post-Soviet Periods: Rural Temples and Cemeteries (on the Example of the Komi Republic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2018, no. 432, pp. 74–85. DOI: 10.17223/15617793/432/9
12. Panchenko A.A. Pochemu rodilsya chert: syuzhet o kommuniste-svyatotsitate, novorozhdennye monstry i granitsy religioznoy didaktiki [Why Was a Baby Devil Born: The Legend about a Blasphemous Communist, Monstrous Births, and the Limits of Religious Didactics]. *Studia Litterarum*. 2018, vol. 3, no. 2, pp. 252–287. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-252-287
13. Drannikova N.V. Kul'tovye ob'ekty Arkhangel'ska v sovremennykh gorodskikh legendakh [Arkhangelsk Cult Buildings in the Contemporary Urban Legends]. *Fol'klor v kul'ture povsednevnosti: sb. st.* [Folklore in the Everyday Culture: Collection of academic papers]. Moscow, SIA Publ., 2019, pp. 231–241.
14. Drannikova N.V. Razrushenie pravoslavnykh tserkvey i kul'tovykh sooruzheniy v povestvovatel'noy traditsii Arkhangel'skoy oblasti [Demolition of Orthodox Churches and Cult Buildings in Modern Folklore Tradition of Arkhangelsk Region]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2020, no. 2. (in-print)
15. Portelli A. Osobennosti ustnoy istorii [The peculiarities of oral history]. *Khrestomatiya po ustnoy istorii* [Oral History Reader]. Saint Petersburg, EUSP Publ., 2003, pp. 32–51.
16. Blok M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apologia of History or Historian's Craft]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 178 p. (In Russ.)
17. Ginzburg K. *Mify — emblemy — primety. Morfologiya i istoriya* [Myths — Emblems — Clues. Morphology and History]. Moscow, Novoe Publ., 2004, pp. 6–50. (In Russ.)
18. Narskiy I.V. Kak kommunist cherta rasstrelyat' khotel: apokalipsicheskie slukhi na Urale v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny [How Communist Wanted to Execute the Devil: Apocalyptic Rumours at Ural During the Revolution and Civil War]. *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i «krutye povoroty» rossiyskoy istorii* [Rumours in Russia of 19th–20th centuries. Unofficial Communication and Sharp Turns of Russian History]. Chelyabinsk, Kamennyy poyas Publ., 2011, pp. 231–255.
19. Kozlova N.N. *Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi. Golosa iz khora* [Horizons of the Soviet Era Everyday Life. Voices from Choir]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 1996, 216 p. (In Russ.)
20. Livshin A.Ya. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoy Rossii v 1917–1932 gg.* [Sentiments and Political Emotions in the Soviet Russia of 1917–1932]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2010, 344 p. (In Russ.)
21. Viola L. Counternarratives of Soviet Life: Kulak Special Settlers in the First Person. In: Alexopoulos G., Hessler J., Tomoff K., eds. *Writing the Stalin Era*. New York, Palgrave Macmillan, 2011, pp. 87–99. DOI: 10.1057/9780230116429_6
22. Viola L. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford University Press, 2007, 278 p.
23. Fitzpatrick Sh. *Tear Off the Masks!* Princeton, NJ, Princeton University Press, 2005, 352 p.
24. Panchenko A.A. Kul't Lenina i sovetskiy fol'klor [The Cult of Lenin and Soviet Folklore]. *Odyssey. Che-lovek v istorii: Vremya i prostranstvo prazdnika* [Ulysses. Figure in History: The Time and Space of a Holiday]. Moscow, 2005, pp. 334–366. (In Russ.)
25. Tumarkin N. *Lenin zhiv! Kul't Lenina v Sovetskoy Rossii* [Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997, 285 p. (In Russ.)

26. Hakamies P., Honko A., eds. *Theoretical Milestones: Selected Writings of Lauri Honko*. Helsinki, Suomalainen Tiedekatemia Publ., 2013, 338 p.
27. Lur'e M.L., Akhmetova M.V. Rex ex machina v lokal'nom narrative. Rasskazy o proезде Khrushcheva cherez Bologoe [Rex ex Machina in Local Narrative. The Stories About Khrushchev Trip through Bologoe]. *Russkiy politicheskiy fol'klor. Issledovaniya i publikatsii* [Russian Political Folklore. Research and Publication]. Moscow, Novoe Publ., 2013, pp. 146–171.
28. Tarabukina A.V. Kategorii prostranstva i vremeni v mirovospriyatii sovremennykh «tserkovnykh lyudey» [Categories of Space and Time in Modern “Church People” World Perception]. *Russkiy fol'klor: Materialy i issledovaniya* [Russian folklore: Materials and Researches]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, vol. 30, pp. 186–198.
29. Suvorova S.V., ed. *Za veru Khristovu: Dukhovenstvo, monashestvuyushchie i miryane Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, repressirovannye v Severnom krae (1918–1951). Biograficheskiy spravochnik* [For Christ Faith: the Russian Orthodox Church Clergy, Cloisterers and Laity. Bibliographical Tool Repressed in Northern Krai (1918–1951)]. Arkhangelsk, Pravoslavnyy izd. Tsentr Publ., 2006, 683 p. (In Russ.)

Статья принята 24.01.2020.